

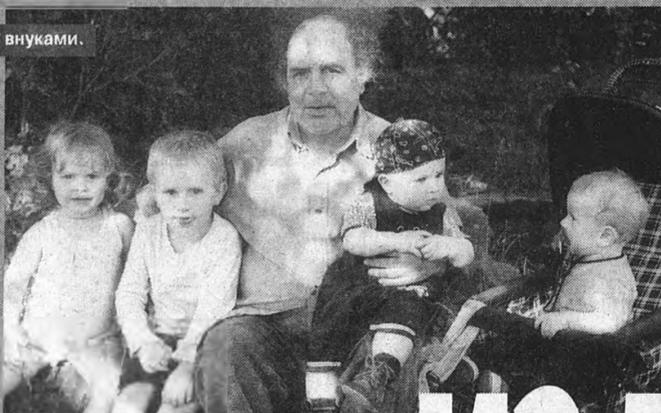
ЗАВЛАДНИК

В компании художников, собравшихся в полуподвальной галерее Юрия Лужева ("Настоящий андеграунд", — комментирует хозяин), марокканец ничем внешне не выделяется — среднестатистический свитер, потертые джинсы, одну за другой курит сигареты без фильтра — русскую народную "Приму". Для всех тут он просто Мохаммед. Фамилию даже друзья могут произнести только по бумажке — Абуэльуакар. К счастью, слухи о его неуравновешенности из-за поста оказались сильно преувеличенными. Наоборот, более мягкого и интеллигентного человека представить непросто.

"В кино я ремесленник"

— Мохаммед, как вы попали во ВГИК? До этого на родине имели какое-нибудь отношение к кино?

— Нет, в Марокко тогда никто кино не снимал — слишком слабое было развитие. Меня наше правительство послало в Москву сразу после школы. Поступил на режиссерский факультет, в мастерскую Сергея Герасимова.

— С кем из звезд вместе учились?

— На одном курсе со мной были Наталья Бондарчук, Николай Губенко, Сергей Никоненко, Наталья Белохвостикова, Николай Еременко, Наталья Аринбасарова.

— А как сложилась ваша карьера в кино?

— Делать кино в Марокко сложно. Я мало снял фильмов. Дипломный в Москве по Хемингуэю, по рассказу "Убийцы". Потом дома — один короткометражный и один полнометражный. Оба участвовали в Московских кинофестивалях — в 1979-м и в 1985-м. Если ты делаешь культурное кино, ты не получаешь никаких доходов. Этим можно заниматься только из любви к искусству.

— Культурное — в смысле авторское?

— Да, авторское. Коммерческое я не могу и никогда не буду снимать. В последнее время я больше занимаюсь живописью и снимал видео — видеоарт. Это можно делать в одиночку, и не требуются большие деньги. Поэтому художник более независим.

— Чем ваш большой фильм?

— Это поэтическая притча. На моей родине фильм получил Гран-при. Скелет темы — история о том, как в деревню приезжает молодой парень, который хочет забрать свою землю у феодала. Но там много побочных линий — тема задушенности женщин, тема фатальности, тема средневековых предрассудков крестьян. После этой картины критики сравнивали меня с Параджановым.

— Актеры играли профессиональные?

— Нет. Я всегда работаю с типажками. Нахожу людей, которые мне нужны, снимаю их, а потом профессиональные актеры озвучивают. Я как бы даю скульптуру, а актер дает звук. Некоторых людей я привожу на место съемки с собой из города, других набираю прямо на месте. У меня такой подход: чтобы персонаж выглядел все эти драматические внутренние, его надо правильно одеть, правильно загримировать и найти нужный фон. Тогда никакой игры не нужно. Нужно только собрать композицию. Это подход художника.

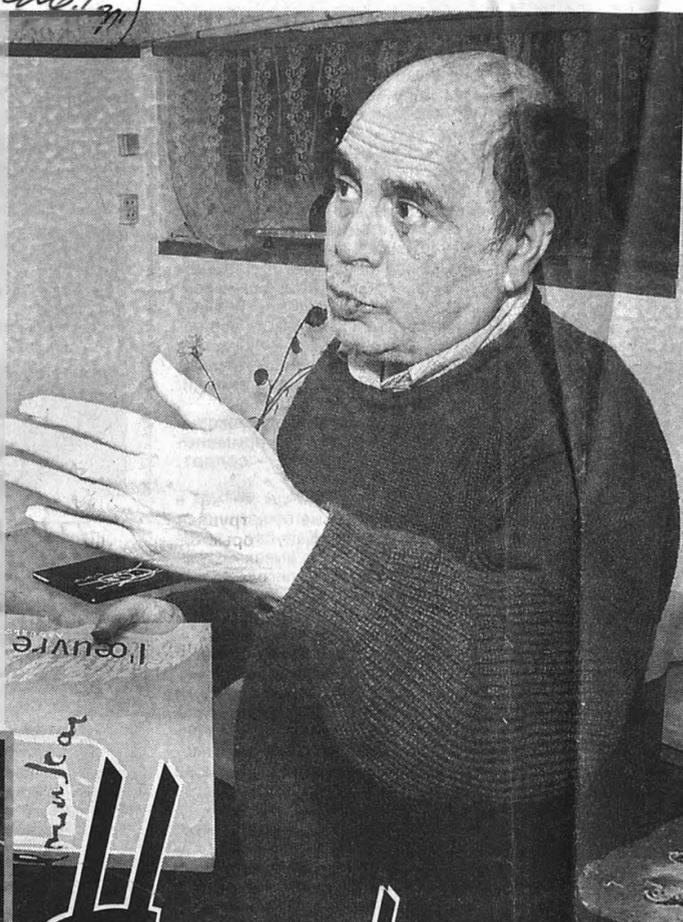
— Получается, вы недооцениваете актеров?

— У нас просто не было профессиональных актеров. Если я вижу, что моя модель не способна говорить, я могу выразить все, что нужно, закадровым голосом. А кадр в это время переводится на какой-то предмет, который тоже несет нужное настроение. Но, конечно, Шекспира вы не будете ставить без профессиональных актеров. Каждая идея имеет свои формы выражения...

— А не было идеи привезти в Марокко тех русских актеров, с которыми вы учились, и снять кино с ними?

— Ну-у-у! Там так сложно существовать.

У нас проходит выставка очень интересного художника. Он кинорежиссер, выпускник ВГИКа. Живет в Электростали, свои картины рисует на бересте. А родом из Марокко. Голос в трубке на секунду осека, потом продолжил: — Только это... он сейчас с утра до вечера ничего не ест — Рамадан, поэтому немного нервный. Вы не опоздайте, пожалуйста. Приедете? Разумеется, мы приехали. Как назло, опоздали на три часа.

История марокканца из Марокко

Хотелось бы, конечно, поработать с профессиональными актерами. Но я исхожу из реальных возможностей. Работаю с тем, что есть под руками. И у меня всегда получается такой фильм, как я хочу. Я ремесленник, все делаю сам. Почему кино 20—30-х годов интересно? Потому что тогда экспериментировали. Технология была не развита. А сейчас технология дает тебе все, но картинка часто получается пустая.

— То есть режиссеру можно не напрягаться?

— Любой может снимать. Необязательно должна работать голова. Человек не ограничен техническими возможностями. А я люблю скупость выражения.

— У вас есть задумки следующего фильма?

— У меня сценарий написан. Это эпос по мотивам наших сказок. У меня вообще-то всегда есть готовый сценарий. Почему я перешел на видео? Ведь одна из составных частей кино — мимолетное настроение. Оно возникает, и сразу хочется это делать. Но в кино быстро не получается. Проходит время, наступает фрустрация. А короткометражное видео — раз-раз и сделал. И сразу проверяешь результат. Не то что в кино. Там ты носишь на плечах тяжелый камень, пока не начнешь снимать. Кстати, когда у меня не было возможности сделать фильм, я стал фотографировать. Сделал целую притчу в фотографии.

— Вы встречаетесь с однокурсниками? В этом году ведь довольно широко праздновался юбилей ВГИКа...

— Я в то время был в Марокко. 30 лет прошло — тогда были одни интересы, сейчас другие. Я их вспоминаю. Может, они меня тоже вспоминают. Кто-то, наверное, знает, что я здесь живу. Но не созваниваемся, не встречаемся.

"Фильмы есть, но кино нет"

Разговорить Мохаммеда на тему личной жизни оказалось почти невозможно. Он методично парировал несколько моих заходов. Вытянуть удалось совсем немного. Женится рано

Кинорежиссер и художник Мохаммед АБУЭЛЬУАКАР: "В Париже меня знают лучше, чем в Электростали"

— еще студентом. По окончании ВГИКа оснований, чтобы оставаться в СССР, у него не стало. Такие были тогда законы. Поэтому вместе с женой Ириной они уехали в Марокко. Там родились обе дочери. Но русской женщине жить в Африке оказалось не под силу, и через три года она с детьми вернулась в родную Электросталь. По образованию учитель истории, Ирина Васильевна работала в одной из городских школ. Изредка гостила у мужа в Марокко. Только с приходом перестройки и гласности

Мохаммед смог получить здесь вид на жительство, и с тех пор большую часть времени муж и жена проводят вместе. В Электростали у них трехкомнатная квартира в старом доме. Ирина Васильевна сейчас нигде не работает: помогает дочерям воспитывать внуков. Которых уже пятеро.

— Мохаммед, а жена блондинка?

— Блондинка.

— Поэтому, наверное, понравилась?

— Ну зачем об этом?.. Если у меня любовь к России, то на женщину это, наверное, тоже распространяется. Такая метафора.

— А откуда любовь к России?

— Я воспитывался на русской культуре.

— Еще до приезда?

— Нет, здесь. Я приехал, когда мне было 19 лет. Это такой возраст, когда все впитывается быстро и легко. Не случайно сейчас, когда пишу о моих работах, обязательно указывают на связь с русской культурой.

— А с какими именами в первую очередь ассоциируется у вас понятие "русская культура"?

— Весь XIX век, без этого никак нельзя. Мой набор стандартный — Толстой, Гоголь, Достоевский. Толстой — это нравственное начало плюс легкость. Его я первым стал читать. Это пишет легче, чем Достоевский. Ну что об этом говорить... Поверьте, русскую культуру я освоил. Она моя часть.

— А "русская культура" в кино?

— Тарковский и Параджанов. Это классика, во всем мировом кино нет подобного. Сейчас кино интересно, но разве есть что-то подобное Тарковскому? Нет. Я его не рассматриваю даже как киношника. Он не какую-то миссию. Это уже не кино, это что-то другое. Тарковскому я посвятил одну свою выставку в Париже. С Параджановым сталкивался часто. У меня был однокурсник из Грузии, я ездил к нему домой, и там мы встречались с Параджановым. Но главное даже не личные контакты — была атмосфера. Когда учился во ВГИКе, было ощущение, будто мы живем в 20-е годы. Ты сталкивался с легендарными людьми — Козинцев, Кулиджанов, Ромм. Как они были преданы искусству и как скромно жили!

Внук Третьякова преподавал у нас эстетику живописи. Он водил нас в Третьяковку, показывал Шагала, Ларионова, всех этих супрематистов, которых никто тогда не видел. Это было как сказка. Кино смотрели в Доме кино и в Белых Столбах — те фильмы, которые не шли в прокате, потому что они никому не нужны, кроме нас. А нам иногда звонили и говорили: сеанс для вашей группы в 4 часа утра! Потому что фильм сегодня уезжает. Никто просмотра не пропустил. Образование во ВГИКе было очень сильное: ты можешь быть и художником, и кинорежиссером, и драматургом.

— Кассовое кино совсем не признаете?

— Нет. Вот раньше был Калатозов, "Летят журавли". Это и кассовое кино, и умное. Сейчас кино нет. Хорошие фильмы есть, но кино нет. Везде, и в Америке тоже. Есть спектакли, грандиозные спектакли. Спилберга я, например, люблю, но все равно... Не Тарковский. Тогда кино несло какую-то миссию. Оно воспитывало тебя. Кроме красоты, которую мы видели и которой наслаждались, Тарковский — это ведь исповедь. Человек с нравственным подходом, с внутренним богатством...

— Может, это у вас возрастное? Простое в молодости все острее воспринималось?

— Может быть. Правильно, возраст играет большую роль. Сейчас появились другие интересы. Я в ужасе от того, что смотрят мои внуки, — всю эту фигню. Мы с бабушкой показываем им старые сказки. Там доброта, которая воспитывает. А сейчас только дерутся. И они любят эту чушь, эту дешевку. С высоты моего старого возраста, наверное...

— По большому счету кино не стало вашей профессией, вы им не зарабатываете?

— Я и не хочу зарабатывать на кино. Я хочу только, чтобы у меня была возможность снимать. Деньги я зарабатываю живописью. На родине и в Европе мои картины покупают музеи и частные коллекционеры.

— Вы учились рисовать?

— Нет, я самоучка. Рисую с детства. В Марокко тогда не было ни кружков, ни художественных школ. Мы только-только вышли из колониализма.

— А чем занимались ваши родители?

— Они были ремесленниками, делали ткани и ковры.

— Какие у вас, так сказать, ориентиры в живописи?

— Русская живопись 20—30-х годов, давшая все ветви модернизма. Малевич, Шагал, Кандинский, супрематисты, конструктивисты.

— А реалисты?

— Конечно. Репин, Серов, Кончаловский... Их очень много.

— А сами работали в реалистической манере?

— Делал иногда пейзажи и натюрморты. Но я больше люблю работать со всякими необычными материалами. Например, в серии, посвященной Тарковскому, использованы старые конверты. Там смешанная техника — коллаж, гуашь, акварель. Вообще, я не могу долго заниматься чем-то одним. Я нестабильный художник.

"Художник — всегда странный человек"

Год у Мохаммеда делится на две неравные части. Большую его часть он проводит в России, а на зиму уезжает в Марокко. "Убегаю от русской зимы", — смеются друзья. Мохаммед эту версию всячески отрицает — просто на это время года у него расписаны выставки на родине. Кстати, и эту свою "берестяную" экспозицию, которая пока демонстрируется в Электростали, скоро будет паковать в дальнюю дорогу.

— А как вы нашли бересту? Вообще-то в России делают картины из бересты. Но совсем по-другому — составляя из кусочков разных оттенков картины-коллажи. Вы видели такую технику?

— Видел. Но я работаю с берестой по-своему. Мои картины похожи на археологические находки, на папирусы. Это очень капризный материал. Легко отслаивается, осыпается, но меня это не беспокоит. Картина становится только интересней — возникает эффект старины. Не хочу входить во всю эту русскую символику, связанную с берестой. Береста мне понравилась сама по себе. Как материал. В Тверской области, в деревне, у нас есть дом. На лето мы всей семьей туда уезжаем. Вот там я впервые и обратил внимание на красоту березовой коры.

— Ну и как вам деревенская жизнь?

— Нормально. Дрова рублю. Картошку сажаем. Правда, огородом в основном занимается жена. Она там себя начинает лучше чувствовать, хорошеет.

— А как относятся к вам в деревне? Типа чудак приехал, ходит, кору по лесу собирает...

— Нет. Сначала, может, было настороженное любопытство, а теперь соседи ходят смотреть мои подделки. В деревне работает лучше: больше пространства и люди проще.

— А в Марокко вашу любовь к России не считают странной?

— Художник — всегда странный человек. В Марокко нет такого, что все знают художников. Меня знают только в культурном обществе.

— А сколько в Марокко художников?

— Не сотни тысяч, как здесь.

— Ну примерно...

— По пальцам можно сосчитать. Но сейчас стало больше — искусство развивается. Страна стала более открытой, проникает зарубежное влияние. Открылись курсы живописи, в школах тоже рисование преподают. Сейчас можно уже выставлять свои работы, люди приходят и смотрят, а раньше это было непонятно.

— Вас просят объяснить смысл ваших работ?

— Просят, но такое объяснение выглядело бы комически. Это критики любят копаться в корнях, влияниях и символах. Я могу объяснить смысл этой скульптуры. Это — Вавилонская башня. Исползованные чайные пакетики, разбросанные у ее подножия, — разные мировые языки, на которые башня рассыпалась согласно библейской легенде. Всякие буквы и знаки на пакетиках я сам придумал, потому что знаю только три языка — арабский, французский и русский. Я люблю работать с "бузунными" материалами. Они имеют форму, несут какую-то смысловую нагрузку...

"У внука шейхи дружат с богатырями"

...Разговор снова ненароком соскальзывает на "запретную" тему — рассказывать о своих успехах на Западе Мохаммед отказывается. Смущается и норовит увести разговор в сторону. Кое-что при помощи друзей-художников все-таки вытягиваем. С раскруткой Мохаммеду повезло. Каким-то чудесным образом работы электростальского марокканца попались на глаза французенке русского происхождения Николь де Поншара. Она как раз специализируется на международных культурных контактах. Николь и организовала первую парижскую выставку Мохаммеда Абуэльуакара. Потом были выставки в Голландии, Бельгии и Англии. В Лондоне впервые в британской истории выставлялись марокканские художники — 12 человек (по-видимому, вся живописная рать североафриканской страны). По такому случаю на вернисаже присутствовала принцесса Марокко и, видимо, кто-то из членов английской королевской семьи. Самого Мохаммеда там не было. Говорит, что не любит помпезные церемонии. Но потом ему принесли французскую газету, в которой была фотография: марокканская принцесса в окружении каких-то людей на фоне картин Мохаммеда.

— Вы лучше про эту галерею расскажите, — тем временем продолжал развивать свою обходную тему марокканец. — Тут любой молодой художник может бесплатно показать свои работы. У меня здесь уже три выставки было.

— Прежде чем везти картины в Лондон и Париж, вы их выставляете в Электростали?

— Да, это стало уже традицией. Тут собираются наши художники, и мы обмениваемся мнениями. Тот же Лужев — человек доброжелательный, но судья строгий. Я проверяю на нем свои работы.

— Электросталь для вас уже вторая родина?

— Конечно. Здесь мои дети, внуки. Все внуки белокурые, с голубыми глазами. От меня ничего не осталось...

— Считается, что дети от родителей разных наций бывают очень талантливыми...

— Я теперь в этом уверен. У нас это больше на внуках проявилось. Старшему внуку 6 лет. Я недавно собрал его рисунки. Это что-то невероятное! Я теперь сам хочу взять какие-то его идеи и переработать на свой лад. Я ему сказки рассказываю — марокканские, русские, "Одиссею". У него колоссальное воображение. И он смешал все культуры — Восток, Россия, татары. Русские богатыри на его рисунках соседствуют с арабскими шейхами. Остальные внуки тоже хотят рисовать, и все придумывают сказки. Я сам с ними становлюсь как ребенок.

— Вам не приходилось в России сталкиваться с плохим отношением к себе из-за того, что вы иностранец?

— Нет-нет. Мне кажется, это зависит от человека, от того, как он себя ведет.

— Получается, вас в Париже знают лучше, чем в Москве. А Москву собираетесь покорять?

— Я боюсь Москвы. Бываю там очень редко. Только если надо к дочерям заехать. Я больше вспоминаю ту Москву, которая была в мои студенческие годы. Как мы ходили молодые по тихим улицам, гуляли, была какая-то романтика.

— Интересно, европейские критики в своих рецензиях называют вас марокканским художником или русским?

— Чаще всего — марокканско-русским. Без влияния России мои работы критики объяснить не могут. Не знаю, эта живопись хорошая или нехорошая. Но она странная. Еще критики часто обращают внимание на то, что это делал кинорежиссер. Каждая картина — маленький сценарий.

Сергей ФЕКЛЮНИН, г. Электросталь.